

Первый шаг: Женева-85

И сам я, и мои сподвижники в международных делах сходились на том, что начинать надо с Соединенных Штатов. Это и супердержава, и признанный лидер западного мира, без согласия которого любые попытки добиться перелома в отношениях Востока и Запада ничего не дадут, даже могут быть восприняты как «козни», «вбивание клиньев» и т.д. Задача была не из легких: найти общий язык не с социал-демократом Пальме или социалистом Миттераном, а с Рональдом Рейганом, обозвавшим Советский Союз «империей зла», поносимого нашей пропагандой за «рейганомику», вторжение в Гренаду и прочие неблагоприятные поступки.

И после довольно долгих переговоров была достигнута договоренность о нашей встрече с ним в Женеве поздней осенью 1985 года.

Резиденцией советской делегации было здание советского представительства, там же состоялись часть переговоров, обед в честь Рональда Рейгана и Нэнси Рейган. Американский президент расположился в двухэтажном доме в пяти километрах от Женевы, а для переговоров американцы сняли виллу на берегу Женевского озера — «Флер д'О».

Шесть с половиной лет отделяло нас от последней встречи лидеров СССР и США летом 1979 года. Ситуация в мире была накалена до предела, мощные группировки НАТО и Варшавского Договора выставили друг против друга частокол ядерных ракет, людьми владела тревога. Немудрено, что весь мир «вперился» в Женеву, а для освещения встречи съехалось 3500 журналистов.

19 ноября в 10 часов я подъехал на ЗИЛе к «Флер д'О». Рейган вышел навстречу, спустился по ступеням. Наше знакомство произошло естественно и непринужденно. Со стороны кое-кому даже показалось, что мы сразу заговорили на каком-то понятном обоим языке, английском или эсперанто.

Рейган пригласил меня сфотографироваться, и мы вошли в дом. Со мной были Шеварднадзе, мой тогдашний помощник Александров, Яковлев, заместитель министра иностранных дел Г.Корниенко, посол А.Добрынин, заведующий отделом ЦК Л.Замятин. Со стороны США в переговорах участвовали госсекретарь Шульц, руководитель аппарата Белого дома Риган, посол Хартман, помощник по безопасности Макфарлейн, сотрудники Белого дома и госдепартамента Нитце, Риджуэй, Мэтлок.

К Женевской встрече мы подходили с реалистических позиций, не рассчитывая на крупные договоренности, надеялись заложить предпосылки для серьезного диалога. Было немаловажно, чтобы руководители сверхдержав «присмотрелись» друг к другу, поделились взглядами на сегодняшний мир и роль своих стран, подумали, что можно предпринять для ослабления враждебности и налаживания сотрудничества. Как мне стало известно позднее, американцы хотели определиться, насколько права госпожа Тэтчер, расхваливавшая Горбачева, тот ли он человек, «с которым можно иметь дело». Думаю, это главное, что их интересовало. Вполне понятная задача для первой встречи.

Согласно установившейся в течение десятилетий практике, перед поездкой были разработаны, обсуждены и утверждены на Политбюро директивы для Генерального секретаря ЦК КПСС. Готовились они при моем непосредственном участии МИДом, международным отделом ЦК и КГБ. Директивы, как известно, бывают разные. Когда речь идет о политическом диалоге, это только изложение позиций, которые следует довести до партнера, и поручение прояснить его оценки по обсуждаемым вопросам. Когда же речь идет о переговорах по конкретным вопросам, директивы содержат обязательные установки — что мы предлагаем и на что готовы пойти. Хочу сказать об этом, поскольку высказывалось и высказывается немало поверхностных, некомпетентных суждений, включая домыслы, якобы генсек решал все единолично, шел на неоправданные уступки и т.д.

Наряду с основной позицией заготавливались запасные, которые

можно было использовать в крайнем случае, идя на оправданный компромисс. Если согласие не достигалось, вопрос откладывался, считалось, что он должен быть подвергнут дополнительному анализу той и другой стороной. Проиллюстрирую это на примере особенно острой темы, в отношении которой больше всего спекуляций, — о сокращении ядерных и обычных вооружений.

Проработка начиналась с подготовки предложений соответствующими ведомствами. За МИДом первые годы, как правило, сохранялась роль координатора на подготовительном этапе. Позже жизнь потребовала создания при Политбюро специальной комиссии, в обязанности которой входило координировать подготовку после представления ведомствами первоначальных проектов директив или итоговых документов. Комиссия многократно заседала, выслушивая мнения МИД, Министерства обороны, научных институтов, Госплана, Комиссии ВПК, крупных специалистов и экспертов, включая академиков, искала рациональное решение неизбежно возникавших между ними разногласий. О наиболее важных выводах и спорных проблемах докладывалось генсеку, позже Президенту СССР. Делали это обычно Зайков и Шеварднадзе, иногда с участием Язова или Ахромеева, Чебрикова или Крючкова. Такие обсуждения еще до представления на Политбюро носили регулярный характер.

После неоднократных согласований и моих указаний останавливались на каком-то варианте. Он докладывался Политбюро, но при этом излагались и другие мнения — то есть члены высшего руководства ставились в известность о дискуссии, имели возможность ознакомиться с альтернативными точками зрения.

Комиссию Политбюро долго возглавлял Зайков. В вопросах вооружений есть две стороны: военное предназначение данного оружия и его производство. С тем и другим Лев Николаевич был основательно знаком. С его опытом работы в военно-промышленной сфере и знанием техники, Зайкова было трудно «провести на мякине». Причем качества

квалифицированного эксперта сочетались у него со склонностью улаживать споры и добиваться гармонизации вносимых предложений. Он мог страсти остудить, погасить конфликт между ведомствами, уберечь от непродуманных шагов МИД в сугубо специальных вопросах. И вместе с тем — «поднажать» на Министерство обороны, вскрыть консерватизм, узковедомственную позицию военно-промышленного комплекса.

Кстати, Министерство обороны, хорошо зная, как трудно стране выдерживать гонку вооружений, за все годы моей деятельности в Москве ни разу не внесло предложений по сокращению вооруженных сил и производства оружия.

Представители Министерства обороны при проработке крупных разоруженческих инициатив часто выводили из себя темпераментного кавказца Шеварднадзе. Иногда он приходил ко мне и заявлял: «Больше с ними не могу!» Я его успокаивал, подключал Зайкова, а когда понимал, что дело далеко зашло в их спорах, подключался сам. Приглашал Шеварднадзе вместе с министром обороны Соколовым, позже с Язовым и Ахромеевым, Язовым и Моисеевым. Садились, детально во всем разбирались.

Конечно, формирование основ политики в принципиальных вопросах, определение позиций, отвечающих интересам государства и реальностям международного положения, являлось прерогативой Политбюро, генсека. Так что работа была коллективной и весьма основательной. У нас в портфеле было припасено немало идей и конкретных предложений, благодаря чему с первой встречи с Президентом США начался поиск подхода к самой насущной тогда проблеме ядерного разоружения.

В общей сложности переговоры, другие встречи в Женеве заняли около пятнадцати часов. Пять или шесть встреч мы провели один на один, причем каждый раз с нарушением «графика». Уже одно это говорит, что беседы были отнюдь не протокольными, когда участники больше посматривают на часы, чем занимаются делом. Нет, наш разговор с Рональдом Рейганом был интенсивным, содержательным, в отдельные моменты эмоциональным. Но

что очень важно: откровенным и, чем лучше мы узнавали друг друга, — дружественным. Страсти особенно кипели, когда предметом дискуссий оказывались права человека, региональные конфликты и пресловутая СОИ. Однако к концу встречи я почувствовал: с Рейганом «можно иметь дело».

Теперь по порядку. Первый день начался с беседы наедине, которая вместо пятнадцати минут продолжалась более часа. Перечитываю запись, и первое, что бросается в глаза, — крайняя «заидеологизированность» собеседников. Поначалу это был скорее диспут «коммуниста № 1» с «империалистом № 1», чем деловой диалог руководителей двух самых мощных государств. Я как мог отбивался от обвинений в нарушении прав человека, хотя не всегда был уверен в своей правоте. Он, в свою очередь, отвергал мои оценки роли ВПК в США, в существовании мощной пропагандистской машины, ведущей подрывную работу против СССР. И уже мы оба с жаром возлагали друг на друга ответственность за сумасшедшую гонку вооружений, поставившую мир на грань катастрофы.

И правы по-своему, и не правы были тогда каждый из нас. Факт состоял в том, что оба государства несли ответственность за раскол мира и нагнетание военной угрозы, за крайнюю напряженность советско-американских отношений. Но такого взаимного признания на женевском саммите не произошло. Надо было прожить еще несколько лет, многое обдумать и понять. Что касается меня, то, еще будучи президентом, я сказал, что СССР и США упустили шанс для строительства новых международных отношений, открывшийся после победы над фашизмом. Наши американские партнеры пока еще только продвигаются к такой констатации. Мешает все та же идеологическая зашоренность, о чем свидетельствуют попытки выдать конец «холодной войны» за «победу капитализма над социализмом».

Итак, в Женеве уже в первые минуты встречи мы говорили, что называется, по существу. Тогда же, хотя и в общей форме, я сказал, что мы не собираемся оставаться в Афганистане и выступаем за политическое решение афганского конфликта.

Первый раунд переговоров обнажил огромный масштаб и остроту противостояния, взаимного недоверия, политической глухоты. Такие впечатления не ослабли, даже усилились, когда мы приступили к обсуждению региональных конфликтов. Рейган долго говорил о нашем вмешательстве в дела третьего мира, сетуя, что оно в значительной мере определяет напряженность между Вашингтоном и Москвой. Мой ответ — уже на широкой встрече, с участием делегаций — сводился к следующему: мы помогаем народам добиться свободы, у нас нет планов создания где бы то ни было военных баз и «экспортировать революцию». Наши действия в большинстве случаев не отличаются от тех, к каким прибегают США в зоне своих жизненных интересов, а эту зону они распространяют практически на весь мир.

В резиденции, куда мы отправились на обеденный перерыв, я поделился с коллегами впечатлениями о беседе с Рейганом тет-а-тет, заметив, что в политическом плане это не просто консерватор, а «динозавр». Сошлись на том, что диалог надо вести твердо, но от цели не отклоняться, не упускать малейшей возможности для прорыва к благоразумию.

После обеда мы вернулись в «Флер д'О» и разговор пошел о контроле над вооружениями. Мой партнер явно «рвался в бой» — я потом узнал причину: американцы в соответствии с задуманной тактикой рассчитывали первыми огласить заготовки, чтобы, так сказать, навязать нам свою игру. Была развернута аргументация в пользу решительного сокращения наступательных вооружений и одновременного перехода к оборонительным системам. Президент с благородным негодованием разнес в пух и прах доктрину сдерживания, которая привела к гонке вооружений и создала угрозу роду человеческому. Закончил Рейган изложение своих предложений страстным утверждением, что это — «лучший путь» и Советский Союз не должен бояться СОИ. Президент старался выговориться до конца, выдвинув идею «открытых лабораторий» и заявив в завершение, что, когда технология будет отработана, он твердо намеревается поделиться ею с нами.

Странные впечатления вызывали у меня адвокатские доводы в пользу космической стратегической инициативы. Что это: полет фантазии, прием, имеющий целью сделать СССР сговорчивым на переговорах, или все-таки не слишком ловкая попытка успокоить нас, а самим довести до конца безумную идею — создать щит, позволяющий безбоязненно нанести первый удар. В моем распоряжении были оценки ученых, каскад аргументов Рейгана меня не застал врасплох. Ответ на них был острым и решительным.

Из сказанного президентом, говорил я, видно, что он привержен СОИ, а ведь это не что иное, как намерение через космическую систему создать щит для нанесения первого удара. Общие рассуждения и «заверения» на сей счет не могут ввести нас в заблуждение. Они лишь свидетельствуют, что США нам не верят. А почему мы должны верить вам больше, чем вы нам?

СОИ — продолжение гонки, хотя и в другой сфере, еще более опасной. Подозрительность и беспокойство будут усиливаться, каждый будет бояться, что его вот-вот обгонят. Советский Союз против переноса гонки вооружений в космос, но, если американцы не воспримут аргументы разума и призыв искать выход на пути прекращения гонки вооружений и сокращения имеющегося ядерного оружия, ничего другого нам не останется, как дать ответ. Должен сообщить, что ответ у нас в принципиальном плане уже есть. Он будет эффективным, менее дорогостоящим и может быть осуществлен в более короткий срок.

Государственные деятели не могут раскрыть все, что им стало известно «по положению». Я и сегодня не могу полностью посвятить читателей в некоторые детали. Но заявляю ответственно: это был не «блеф», проработки показали, что ответ на СОИ мог действительно быть таким, о каком мы предупреждали.

Мои последние слова: «Похоже, мы зашли в тупик...» Наступило молчание — напряженное, тягостное. Оно затягивалось.

— Почему бы нам с вами не пройтись? — спросил президент.

— По-моему, хорошая идея, — поддержал я.

Мы встали из-за стола и в сопровождении переводчиков вышли во внутренний дворик. Направились к какому-то зданию. Это был бассейн. В гостиной при нем, если можно так назвать небольшую комнату, куда мы вошли, пылал камин. Прогулка, новая обстановка, треск горящих бревен сняли напряжение. Но как только мы опустились в кресла, Рейган снова заторопился исполнить тактические «задумки». Опасаясь, что я, теперь уже один на один, снова займусь темой СОИ, он решил опередить меня, достал из кармана и передал предложения о контроле над вооружениями. Причем, как я понял, не для обсуждения, а для принятия и направления нашим переговорщикам в качестве инструкции.

Это был пакет из девяти пунктов на английском и русском языках. Там было много того, что так или иначе обсуждалось сторонами, но согласованных решений не удалось достигнуть. Рейган подчеркнул, что американская сторона рассматривает эти предложения именно как единый пакет.

Я прочитал не спеша и сказал, что даже при первом чтении бросаются в глаза неприемлемые для нас вещи; прежде всего принятие пакета позволило бы США продолжать осуществление программы СОИ. Рейган кивнул. «Именно поэтому мы не согласны» — был мой ответ. Дальнейшая дискуссия показала, что мы просто ходим по кругу. Разговор иссяк. Огонь пылал, в комнате было тепло и уютно, но, откровенно говоря, настроения эта беседа не улучшила. Мы вышли, и мне показалось, что на улице очень холодно: то ли после камина, то ли после горячих споров. Тут вдруг Рейган приглашает меня посетить Соединенные Штаты, на что я ответил приглашением посетить Советский Союз.

— Я принимаю приглашение, — заявил президент.

— Я принимаю ваше.

Значит, в тот трудный день все-таки произошло что-то важное в нас обоих. Думаю, сработали два фактора — ответственность и интуиция. Еще в середине дня я думал по-иному, да и вечером мы распрощались, оставаясь на

противоположных позициях. Но незаметно начал работать «человеческий фактор». Чутье подсказало обоим не идти на разрыв, продолжить контакт. Где-то в глубине сознания зародилась надежда на возможность договориться.

На следующий день принимающей стороной была советская делегация. Как хозяин, я встретил Рейгана у порога советского представительства. Поднялись по лестнице, останавливаясь для фотографирования, и переговорщики снова оказались лицом к лицу. Настроение у всех несколько изменилось, дала о себе знать «адаптация» друг к другу, да и вчерашняя договоренность о взаимных визитах рождала определенные ожидания.

Мы снова уединились с президентом, и на этот раз речь пошла о правах человека. У Рейгана был свой расчет: обсуждение этой темы наедине даст возможность провести беседу в неконфронтационной манере. Думаю, он догадывался, какой будет моя реакция, и не хотел, чтобы это произошло в присутствии коллег.

Ничего нового я не услышал. Уже в ходе подготовки встречи американская сторона вопрос о правах человека поставила на первое место. И это делалось не только по дипломатическим каналам, но и через прессу. Рейган начал с того, что, если Советский Союз хочет улучшить отношения с Америкой, он должен поправить свою репутацию в том, что касается свободы личности. В качестве аргумента президент использовал то, что США — страна эмигрантов, она весьма чувствительна к этому вопросу, ни один политический руководитель не сможет с ним не считаться.

Я в свою очередь изложил свои взгляды на свободу личности. И прежде всего подчеркнул, что Соединенные Штаты не должны навязывать свои стандарты и образ жизни другим.

Затем беседа продолжалась в составе делегаций. Я сказал президенту и его коллегам, что на пути 50-процентного сокращения стоит СОИ, американской администрации что-то с ней надо делать, иначе не удастся добиться сокращения ядерного оружия. Рейган стоял на своем, мы также не собирались уступать. Долгая, временами острая дискуссия обнаружила

непреодолимые расхождения. Можно предположить (да об этом, кажется, писалось), что американская делегация, как и наша, задалась вопросом — чем заканчивать саммит?

Оставалось, пожалуй, только одно обнадеживающее обстоятельство: ни одна из сторон не хотела, чтобы Женевская встреча кончилась ничем. Это было бы воспринято и как личный неуспех лидеров сверхдержав, а главное — породило разочарование в широком общественном мнении, развеяло надежды, которые связывали с нашей встречей многие миллионы людей. Ничего хорошего не сулил на сей раз и испытанный в прошлом прием: свалить неудачу на неуступчивость другой стороны. Нужно было, как минимум, заявить, что переговоры будут продолжены.

Встретившись после обеда, договорились дать поручения Шеварднадзе и Шульцу изучить возможности выхода на какое-то соглашение. Все это время мы с президентом находились в совпредставительстве, ожидая результатов. В 17 часов стало ясно: расхождения по ряду пунктов настолько серьезны, что надежды на соглашение весьма незначительны. Разошлись, чтобы поискать возможность развязки в рамках делегаций.

Затем от меня и Рейгана последовало поручение продолжить совместную работу и вечером доложить о результатах. В шутку я добавил: «Надеемся, нам не испортят настроение».

Параллельно переговорам происходили и другие события, в частности обмен обедами. Обедали с супругами и непосредственными участниками переговоров, за небольшими столами. Супруги, кроме того, по согласованному протоколу дважды встречались за чаем. Раиса Максимовна привезла в Женеву рисунки советских ребят — победителей Международного конкурса детского рисунка в 1984 году. Они были выставлены в советском представительстве и вызвали большой интерес: столько в них доброты, непосредственности, дружелюбия. И Раиса Максимовна пригласила Нэнси совершить маленькую экскурсию, доставившую им обеим несколько приятных минут. - Затем они вместе

участвовали в церемонии закладки первого камня в здание музея Международного Красного Креста и Красного Полумесяца. В капсулу под камень они и госпожа Фурглер вложили подписанное ими послание: «Этот камень закладывается в надежде, что музей послужит пониманию и укреплению движения Международного Красного Креста и Красного Полумесяца, вдохновит грядущие поколения всего мира на поиск мира и гармонии для всего человечества». Программа Раисы Максимовны включала также посещение крестьянской фермерской семьи, Всемирной организации здравоохранения, университета и библиотеки.

Когда мы оказались в доме, арендованном для четы Рейганов, Рональд и Нэнси, чтобы придать непринужденность беседе, и на этот раз усадили нас у зажженного камина. На прессу вышла информация — «Встречи у камина». Действительно, камин сыграл свою роль: атмосфера общения теплела, жесткость суждений ослабевала, нетерпимость уступала место раздумьям, стремлению понять собеседника.

Уже на первой встрече я почувствовал, что Рейган не любит заниматься конкретикой. Мне говорили, что Рейгану клали на стол информации объемом полторы-две, от силы три страницы. Если там оказывалось больше, бумага возвращалась как несерьезная. То, что ложилось на мой стол, не идет ни в какое сравнение — текущие сообщения, груды справок, проектов решений. Я не привык получать препарированные сведения, но не могу с уверенностью сказать, достоинство это или недостаток. В том, как у нас направлялась информация на высший уровень, было и просто бескультурье, отнимавшее массу времени. Должно быть, в этих делах, как и во всех других, нужна некая золотая середина.

Рейган предпочитал беседы общеполитические, помогавшие лучше узнать друг друга. А в рамках делегаций, когда подключались Шульц, Шеварднадзе и другие, переговоры носили сугубо конкретный характер.

Итак, после наших с президентом поручений эксперты заработали, «включив» полные обороты. В мире все ждали какого-то политического

итога. Американцы не исключали двух вариантов: общего согласованного документа или отдельного заявления каждой стороны. Мы настаивали на общем документе — иначе будет проигрыш, люди просто не поймут, если руководители двух сверхдержав, встретившись после столь длительного перерыва, разъедутся, ограничившись обменом мнениями и односторонними заявлениями.

Подготовка проекта такого документа велась рабочей группой, в которую от нас входили Георгий Корниенко и Александр Бессмертных, возглавлявший тогда в аппарате МИД американское направление. Трудились они старательно, а после наших с президентом поручений — тем более.

Но вот что произошло дальше... Обед у президента уже заканчивался, а проекта все нет. Выйдя из-за стола, мы расположились рядышком в небольшой гостиной. Мы с Рейганом сидим, остальные стоят. Появляются переговорщики, докладывает Корниенко. Шульц резко реагирует на слова нашего замминистра, между ними завязывается перепалка. Корниенко буквально нависает надо мной сзади и высказывается очень жестко, в раздраженном тоне. Шульц, обычно спокойный и уравновешенный, на этот раз буквально взорвался: «Господин Генеральный секретарь, вот в таком духе у нас и идет работа. Разве мы так достигнем чего-то?»

Мы с Рейганом наблюдаем всю эту сцену. Президент говорит: «Давайте ударим кулаком по столу». Я говорю: «Давайте ударим». Договорившись, быстро разошлись. Я пригласил своих, спрашиваю, в чем дело? Судя по тону Корниенко и его поведению, можно было подумать, что речь идет о коренных разногласиях, угрозе серьезного ущерба нашим интересам. Докладывает Бессмертных, и оказывается, все сводится к спору о словах. Сняли проблему.

Что еще? Возникли расхождения в связи с возобновлением полетов Аэрофлота в США: наше Министерство гражданской авиации имеет какие-то возражения, значит, запись невозможна. Я тут же поднимаю трубку правительственной связи, беседую с министром Бугаевым. Он говорит, все

идет хорошо, есть кое-какие несущественные вещи, мы их снимем. Снимайте, говорю министру.

Еще что? А ничего. Так за пятнадцать минут решили все «проблемы». Не могу даже написать здесь это слово без кавычек. Таков был стиль нашей дипломатии. Главное — демонстрировать непреклонность. Жесткость ради жесткости. Упрямство, гонор, не продиктованные ни политическими, ни практическими соображениями.

Итак, формирование текста итогового документа ночью было завершено, а на следующее утро состоялась заключительная процедура встречи. В зале, украшенном флагами Советского Союза и Соединенных Штатов, в присутствии многочисленных представителей прессы, мы с президентом поднимаемся с разных углов на возвышение, где стоит столик с папками. Идем навстречу друг другу, пожимаем руки. Это, конечно, зрелище, которого с надеждой ждал весь мир после стольких лет ожесточенной идеологической войны.

Подписываем заявление, поистине историческое, в котором руководители двух супердержав констатировали, что «ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей». Раз это признается и будет трансформировано в практическую политику, бессмысленными становятся гонка, накопление и совершенствование ядерных вооружений.

Далее. «Стороны не будут стремиться к военному превосходству друг над другом». Это тоже принципиальная констатация, и на сей раз не общая фраза, кинутая для успокоения публики. Мы с президентом уже обязались дать соответствующие указания делегациям на переговорах по ядерным вооружениям в Женеве.

В документе выражены взаимные намерения, касающиеся двусторонних отношений, в частности, обменов в гуманитарной сфере, контактов между молодежью двух стран, возобновления воздушного сообщения.

Каждый из нас перед своим микрофоном произнес краткую речь.

Я подчеркнул, что состоявшаяся встреча — слишком важное событие, чтобы ее можно было оценивать с помощью упрощенных категорий. Она позволила яснее понять характер наших разногласий, снять часть накопившихся предрассудков.

Доверие устанавливается не сразу, это нелегкий процесс. Мы высоко оценили заверения американского президента, что США не стремятся к военному превосходству, и рассчитываем, что эти заверения будут подтверждены делом. Рейган говорил о том, что политический диалог будет расширяться и вестись на различных уровнях. Сообщил о договоренности обменяться визитами на высшем уровне. Две страны будут развивать двустороннее сотрудничество, продолжат и расширят консультации по региональным проблемам. И слова эти, и тональность, в какой они произносились, давно уже исчезли из лексикона государственных деятелей СССР и США. Тогда еще опытные обозреватели не рисковали писать о начале новой эры в советско-американских отношениях и мировой политике — не раз в прошлом «обжигались» на этом. Но все почувствовали, что первый прорыв сделан и, если ни одна из сторон не испортит дела, появится шанс отвести от мира ядерную угрозу.

Ну а каким было значение встречи в Женеве для нашей собственной политики?

Скажу так: выработка ее приоритетов пошла с этого момента намного интенсивней. В эти месяцы полным ходом шла подготовка к XXVII съезду КПСС, над внешнеполитическими разделами доклада работали международные отделы ЦК, МИД, научные центры. Мы вышли на программу движения к безъядерному миру и поставили этот вопрос не в пропагандистском плане, как до сих пор, а с приглашением к реальным действиям.

После обсуждения в Политбюро программа была обнародована в Заявлении от 15 января 1986 года. Нет сомнения: такой документ мог родиться только в результате вступления на путь глубоких реформ,

интенсивных контактов с внешним миром, новых подходов к международной политике. Контакты 1985 года и объективный анализ международной обстановки убеждали в том, что мировое сообщество созрело для восприятия таких идей. Во всяком случае, нужно было начать, причем начать смело, необычно. Что касается советского руководства, возражений я не встретил. В душе, может быть, кто-то и сомневался. Циники же рассуждали примерно так: до 2000 года далеко, все средства в «холодной войне» хороши, порция демагогии не повредит. Но специалисты из ведомств, научных центров, эксперты готовили базу для документа серьезно, реалистически учитывая внутренние и внешние последствия мер, которые в нем предлагались.

Должен сказать, что в его подготовку много души вложил Шеварднадзе. Мы с ним пришли к мнению о необходимости такого шага в одной из бесед вскоре после его назначения министром иностранных дел. К осени уже имели определенный капитал — научные анализы ситуации, оценки контактов, встреч, состоявшихся в эти месяцы. Тогда и было решено облечь наши замыслы в перспективную программу, которая служила бы основой для продолжения «мирного наступления».

На одной из встреч, когда подготовка программы завершалась, возник вопрос, когда лучше с этим выступить. Сначала я предполагал, что она должна стать составной частью доклада на XXVII съезде КПСС. Тут срабатывал опыт, скорее, стереотип прошлого — не транжирить крупные идеи, беречь их для съезда, в крайнем случае — Пленума или мероприятия по случаю знаменательной даты. Но, поразмыслив, мы решили, что включение программы в съездовский доклад снизит ее значение как самостоятельной акции. Причем ее заблаговременное обнародование не помешает обсудить выдвинутые масштабные инициативы. Так и произошло. Съезд поддержал не только философию новой политики, но и конкретно саму программу, она, по сути дела, стала государственной.

Добавлю, что одобрение на съезде было не только проявлением традиционной партийной лояльности к руководству, установившейся со

сталинских времен: что бы ЦК ни предложил, все одобрялось единогласно и под бурные аплодисменты. Нет, на этот раз начали сказываться перемены в общественной атмосфере, первые, хотя и скромные результаты гласности и демократизации. Тогда еще положение в партии не претерпело кардинальных изменений, многое шло по инерции, старые механизмы, хотя и со скрипом, все еще обслуживали власть предрержащую. И в то же время люди чувствовали себя свободней, чаще осмеливались говорить, что думают. Для них твердо выраженное намерение избавить страну и мир от ядерной угрозы было близко и понятно.

М.С.Горбачев. Жизнь и реформы. М.: «Новости». – 1995. Т.2. С.11-22